

Лоскутки
(из крестьянского детства)

Песня «Вот кто-то с горочки спустился» слышалась раньше, чем показывались подводы с косарями. Завидев их, мы неслись с подвизгом на встречу, оживлённо толкаясь и смеясь. Каждый бежал к своему приближающемуся счастью.

Отчего ягода на снегу такая завораживающая? Отчего снег на ягодах такой белый? Грозди калины и рябины выглядывают из-под снежных беретиков и скромно краснеют, а шиповник скромности не знает, развесил красные висюльки плодов, разбросал по снегу, разлеглись пугающе кровавые, но сладкие... До сих пор вкус ощущается.

Она носила кирзовые сапоги, галифе и фартук. Чтобы достать «Беломорканал», затыкала фартук за пояс и засовывала руку в карман. От неё всегда пахло неухоженным мужиком. Не знаю, может, наша экзотическая соседка была на войне, только вряд ли – сибиряки трудились в тылу. Доброй слыла, трудолюбивой была, но пила (единственная на всю деревню).

P.S.

Мелькнуло? Правильно мелькнуло у вас в голове. Правильно и страшно от правды сегодня.

Дождь отлупил крышу по полной программе, как ей полагается. Потом смилостивился – стих и начал слегка барабанить. Нет ничего музыкальнее этой дробы! Я распахнула створки окна, и влажная свежесть весны, смешанная с черёмуховым ароматом, одурманила меня навсегда.

Земляничная поляна пригласила на солнышке прямо-таки за нашими огородами. Травой зараста, ей было не суждено, постоянно кто-то топал по листочкам, но она не обижалась – терпела. Понятливая была: «Отцвету, закраснеют ягодки, и начнут люди поклоны отбивать, улыбки дарить, головой покачивать от удовольствия».

Ромашковый Татьянин двор живёт в моём подсознании 50 лет. И надо же какое чудо! Он всё такой же бархатный и зелёный. Карликовые ромашечки так же свежи и запашисты, даже сгоревшие ворота стоят на том же месте и охраняют тишину и запустелость двора. Только горестное лицо хозяйки слиняло от времени – вроде есть, а вроде и нет.

На краю нашей улицы жили тихие мамы. Посерьёзу говорю. Никто, никого не лупил. Поэтому, когда шла на хохляцкий край, и там раздавались крики то одного, то другого провинившегося дитя, у меня от этих лупок кожа дыбилась, и я умудрённо думала: не повезло им, когда мамок раздавали.

Высовываю нос из тепла одеяла в тепло от потрескивающей смолистыми дровами русской печки. Лиственными топит мама - по трескотне понимаю и по запаху, от них спод быстро нагревается. И я, пригревшись, закрыла глаза и отправилась сон детства догонять. Щекотка в носу разбудила вдругорядь – испечённый хлеб корочкой манит. Мамина рука всегда знает, что надо делать - жую хрустящую горбушку и беззаботно улыбаюсь своему трудовому детству.

Костёр в пионерском лагере горит весело, с настроением, игриво пуляет в разные стороны искры, таращась, освещает темноту, вырывая у ночи пространство. Одним словом, обустроивает уют, усиливает настроение бегающей, прыгающей мелюзге. Не забывает и о старших, сидящих поодаль в задумчивости или зачарованности, возраст у них такой. Так костёр в их сторону тепло подгоняет: иди, мол, не видишь, что ли, не обогретые.

Молочный подойник в чести живёт! Ничто так чисто и своевременно не надраивали хозяйки, как его. Он, на первый взгляд, бездельником болтается на плетне целый день, а ему голову марлечкой обвязывают, рушничком укрывают, носят торжественно, боясь расплескать.

Звон первой струи молока о пустое дно испугал меня: не слишком ли сильно я потянула сосок? Тягнула ещё раз, потом ещё, быстрее, быстрее, и молоко запенилось, заглушив звон струи, указывая на руки юной мастерицы. Материнскую похвалу со звоном первой струи годы не глушат.

Пол в нашем доме никогда не был холодным, даже в самую бесноватую зиму. Угол в горнице шибко чем-то был обиженный, промерзал, а пол всегда в уюте. Насытился теплом людских рук: дедушка плахи заготовлял; папа эти плахи обстругивал, укладывал; мама дресвичкой шоркала до желточка; а бабушка устилала своими домотканными половиками, сшитыми дорожка к дорожке. И всё это, « чтобы дитёнку было тёпленько». Ползающие коленочки и ладошки долго память не держат. Ступни же ног сберегли шершавое тепло пола, а сердце – согласие, которое было в доме.

Утро. Раннее пробуждение. Сумрак только что сменил мрак. Глаза ещё в сонных ресницах. «В это время твой ангел открывает двери в дом и приходит помочь тебе проснуться», - так бабушка вела меня к ощущению Господа и защищённости.

Её внучка, уже бабушка, и помогает обрести Бога своим внучатам. Можно разрушить церкви, казнить священников, оболгать Святых, но нельзя разрушить Храм в душе, выстроенный и подаренный тебе самым родным и близким человеком.

Подружка жила на квартире у своей родной сестры, замужней и детной. Избёнка в одну комнатку, тесновато было. Я квартировала ближе к центру деревни, они – на Кукуе, Понятно, далеко, но бегала перед каждым уроком математики. Совестливая была, без домашнего задания нельзя завтра в школу прийти, самостоятельно сделать не могу, а списать можно. Но сказ не о моих двоечных математических познаниях, а о памяти детства: горячая картошка из чугунка, да со стаканом молока, да в щедром тепле – не забывается хранят атмосферу маленькой избёнки!

Ничего не стоят дома сестёр, позже построенные рядом и по современному образцу, с верандами. Многокомнатная пустота тосковала по людям при жизни хозяев и в тоске провожала их в последний путь. Крапива в скорости затянула ягодные палисадники с высоким ограждением и принялась стучать в пустоту окон больших домов.

Медовые свечи силу имеют. Вафельные тоненькие пластиночки из воска, вставленные в рамку, ничего не значат, кроме как белый воск. Поработают над ним пчёлы: ячейки понастроят, мёдом заполнят, да ещё и упакуют – вот тебе и сила, и энергия, как из выкачанного мёда, так и воска из этих рамок.

Много колобочков лежало на божничке – часа дожидались, когда катать свечи начнём.

В сугробы Сибири когда-то дома прятались. Что там сейчас, не знаю, но говорят, что теперь сугробы за домами прячутся. По тем, бывшим, любила детвора в наст бегать. Весной, ранним утром, пока солнышко не разжмурилось, выходишь в валеночках, за зиму настолько подтоптаных, что подошва мягкая становится. Ступаешь, как ласкаешь его, а без этого не получится – ухнешь в сугроб с головой. Идёшь и ощущаешь себя идущей по волнам. Под тобой ведь только тоненькая корочка, а внутри рыхлый снег. Рыхлых жизненных ситуаций было предостаточно, но я знала, что по весне наст крепкий.

Дико боялась крыс и мышей. Только последних, в раздавленном виде, на дороге почему-то было жалко.

«Дурная овца»,- говорят, ругаясь друг на друга, люди. Любая дурная бывает умной, когда котится и облизывает своих ненаглядных каракульчат, радуется до улыбки, что их не вытащили из живота на шапку.

- Почему у нас на дворе не растёт трава?
- Наш двор - рабочий труженик.

С тех пор не о траве думала, а наблюдала за двором, как он трудится. Работёнка, я вам скажу, тяжёлая: утром скот пропустит; папин трактор «выгонит» - поспал, мол, иди, работай; курчатам зёрна из прицепа натрушенные подсунет, они почёсывают земельный покров своими коготками целый день; только гуси бережность знают – перепончатые лапы мягко ставя, величественно освобождают двор и удаляются на речку.

Отцепив от себя колхозное рабство, папа уехал на север. Мама стала ещё большей рабой и часто плакала от бессилия: «Бедная моя головушка». И я стала ощущать свою головушку бедной, и на меня тяжесть навалилась. Путёвка в жизнь, думаю, получена оттуда.

В деревенском детстве не могла слышать маты, хотела правильно говорить, с завистью смотрела на одежду приезжающих в отпуск «городских», книжки умные «рвала» туда-сюда, листая и читая, пыталась подняться куда-то.

Позже поняла, кого догоняла и куда поднималась.

Побудительный мотив всей моей жизни – интеллект и интеллигенция. Она, придавленная возвеличиванием рабоче-крестьянской политики, имела «честь и совесть нашей эпохи», а не партия; в ней было заложено достоинство нации, ею не прекращалась подпольная борьба за свой народ.

В чём и в ком всё это сегодня, в 2009 году?

Мёртвая интеллигенция, не только бороться, даже не умеет стремиться к справедливости, хотя её не давит рабоче-крестьянская политика, её нет больше. Рабочие и крестьяне загублены, интеллигенция-моль и та мертва...

Беляки, - ой, так грубо оговорилась,- силовики, здрасьте! Вы кругом с кулаком и у власти!

Жутко и страшно жить в таком государстве...

С тех пор, как только я перестала падать и уверенно топтать ножками, меня нарекли «хозяйкой дома». Бабушкины глаза ходили за мной и управляли тайно моими путями-дорогами (её ноги не ходили).

Первое, что сохранила память: никого нет, кроме нас с ней, и мне надо её накормить и сама хочу есть. Почему-то вдруг плакать захотела сильнее, чем есть. Ещё бы! До шестка доставала только моя макушка, а еда там, за ним, за заслонкой в печке.

Открываются двери хаты, и заходит тётя Нюра со словами: «Накорми меня, хозяйюшка», - а сама уже оба чугушка ухватом ухватила и из обоих настоящий вкусный аромат выпустила. Радость во мне запорхала крылышками.

Потом макушка вытянулась вверх, и тетя не стала заходить. Мы с бабушкой были один на один с чугушками и крынками.

Своими организаторскими способностями я обязана маме: не командовала, не поучала, не унижала. Сделаю - хорошо, не сделаю - тоже хорошо, потому что моё «не сделаю» было редким и уважительную причину имело. Не было бездумного подчинения и вымогательского исполнения.

Велика честь таким матерям!

- У меня глазки морщатся, а дождинками не проливаются, - из разговора малого со старым.

- Глаза не морщатся, но проливаются. Члены тела становятся нервными, а я - стервозная, - из разговора старости со старостью.

- Ты зачем в светлом коридоре включаешь свет?

- Вредничаю. С солнцем не согласный.

Улыбающаяся старость. Чему они улыбались? Избёнка – вне деревни. Стены трухой взялись. Порожек ноги сточили. Внутри, кроме двух старичков: брата и сестры, ничего не было. Чистенькое крохотное оконце освещало белые стены и иконку, такую же маленькую, как хозяйева. Если бы я их спросила: почему пусто так? Они бы ответили: радости жисти простор нужён. По просторам мира вожу их просторную радость с собой, чтобы не было оправдания для неудовлетворённости и грусти.

Нас с ней объединяли годы, деревня и школа. Во всём этом мы соответствовали друг другу. И не больше. Мне хотелось слиться с ней, как с той, с которой ничто не объединяло, а мы были одной душой. Что же происходит? Ни детство, ни юность ответа не дали. Соскучившись друг по другу за не одно десятилетие разлуки, мы кинулись друг к другу, как родные: рассказывали, сплетничали, помогали жить...

Преданно любили, но так и были разными. Зрелость ответа не дала. Не даст и старость. Видимо, такие варианты дружбы предусмотрены Всевышним для проверки на человечность.

Легко любиться с тем, с кем растворён друг в друге по природе своей, а на дружбу другого плана работа души требуется.

Дямьян – мужик шибко пригожий и начальник. С жаной деток нарожали - двое девочек. Меньшая такая пухленькая, улыбчистая, а старшенькая

сурьёзная, вся в матку.

Фатера своя, большая, у всех есть угол, и матке Нюшка угол дала, уважила. У ней боля никого не было, окромя Нюшеньки-то, за детками приглядала, серёд молодых жила, а свою хату закрыла, она у ней где-то у другом месте была.

Живут, горя не знают, тока яго намоленное место – Клашка с заимки.

Ох, уж эта Клашка! В детстве для нас она была пугалом безнравственности, а ей хоть бы хны. Живучая.

Зелень молодых всходов весной и желтизна выспевших полей осенью плещутся в моей памяти, как на ветру. По холмам, по косогорам, в низине, за могучими лиственницами и между берёзовых просек – кругом услада для глаз. Весной - радостный гомон оживших полей, осенью – торопливый бег. И по дорогам, поднимая пыль, несутся машины, гружёные зерном.

А в частном хозяйстве происходит урезание. Огороды из 30 соток превращают в 15-ть. Землицы мало в Сибири? Нет. Так кому это выгодно, чтобы зады бурьяном зарастали?

Начало конца. Без денег, без документов, без земли скорее подохнут. Но оказались живучими. Долго вымирали, пока не только зады, но и «переды» затянулись травой.

Опустел родительский дом. Осиротел отец. Остался один, зацелованный старостью: плохо слышал, плохо видел, плохо передвигался. Соседская детвора бегала к нему.

- Вы деда не утомляйте, носитесь шнурками туда-сюда.
- С нас «пользительность имеется», так дед говорит.
- За конфетками бегаете.
- Неправда. Ты бы послушала его, как он рассказывает!
- Он всегда был нашим радивом.
- А потом же он сказал, что помрёт тогда, когда тропинка к его дому зарастёт, вот мы и вытаптываем её, чтобы не помер.
- Вытаптывайте, только не докучайте шибко – старенький. И отнеси вот ему шанежек мягоньких. Неа, утром ему Котька таких же принёс, ты дай ему жиденького похлебать.

К 2010 году общежитие русских деревень похоронили окончательно.

Самое большое испытание – жить среди людей, с закопанной совестью.

- Я кушаю, поэтому душа пока отдыхает, - так изрекла Настюша из далёкой Японии. Во, как восточная мудрость входит. Ступил на порог страны, и уже тебя осеняет «разумное, доброе, вечное», а годков – то всего пятнадцать, и в деревне родимшая и знамшая: нечего душу по пустякам дёргать, Господу житья не давать.

Может, и правда детей к ним отправить, пока тут наши страну грабят, детство сжирают, молодостью закусывают, ненасытные твари.

Ширли мырли

«Энциклопедия семейной этики», книга для наших детей, подростков и прочих не знакомых с этим вопросом людей, английской писательницы-специалиста о лордах, о лордихах, о Белом доме, своих президентах, о стремлении детей мира к их раю. Тут и о истории России есть страницы со снисхождением к флагу, конституции, но русская загадочная ковыряет несогласием.

Будет ковырять, потому, как она шла к этическим нормам своим путём, черпала из своих этических книг, в которых были примеры из жизни Пушкина, Шаляпина, девушек дворянского гнезда. Свой своих тянул к своим – это хорошо, а когда чужой своим тянет наших к своим, через мрак развратного дня, это нам не годится.

По квартире пошли гулять пары от закипевшего куриного бульона. И каждый раз в голове всплывают: деревенские осенние заморозки, потрескивающие дрова в печи и мамин разговор с самой собой: «Дитёнок со школы пришла, вкусненький супец надо сварить». А окончательное пробуждение проходило под запах сдобных пряничков и сопровождающие мамины слова: « Вставай, дочичка, бабушка все глазоньки проглядела, ждётся, када ты с горницы выйдешь»

Ощущение дома было в них, моих родных женщинах. Они давали мне непоколебимую защиту. Больше такого дома-крепости у меня никогда не было, хоть в миграции по городам и странам всегда имела свои роскошные квартиры. Были ли они крепостью для моих детей? Вот пугающий теперь меня вопрос!

Запах родины:
лист смородины,
куст малины,
рябины вкус.
Спелей черёмуха
- чернее цвет,
Сыновья жертвенность –
цена побед.

Были хаты
детьми напхаты –
Этого больше
в помине нет.
Не стало драников,
российских пряников.
Рахатлукумаем
чужой шербет.

Хрен редьки слаще
быть не может,
Но грызть сухарь
совсем негоже.

Груша – любимица французов.
Гуайява – перуанская красавица.
Кабачок – подарок ирокезов.
Лук-порей -диета Нерона.
Вишня – целебная сакура.

На что ни глянь - всё иноземное. Нашенская черемша, которая «сто сот стоит», как говорила мама, и орлеак, по её же мнению «цаны ему нет». Годков восьми впервые взяли и меня рвать черемшу. Что черёмуха, что черемша, мне обе были деревьями. Дядя Гоша понял это и чтобы не застеснять и до того стеснительную девочку, посадил в траву рядом с собой и так обыденно сказал:

- Давай приступим, племянница.
Передо мной частоколычком росла ядрёная, толстоножка.

Подружка жила на квартире у своей родной сестры, Кати Лыспак, замужней и детной. Избёнка в одну комнатку - тесновато было. Я квартировала ближе к центру деревни, они – на Кукуе, на который бегала перед каждым уроком математики. Совестьливая была, без домашнего задания нельзя завтра в школу прийти, а списать можно. Но сказ не о моих двоичных математических познаниях, а о памяти детства: горячая картошка из чугунка, да со стаканом молока, да в щедром тепле – не забываемо!

Ничего не стоят дома сестёр, позже построенные рядом и по современному образцу с верандами.

Многокомнатная пустота тосковала при их жизни и тоскливо провожала в последний путь. Она знала, что скоро крапива затянет ягодные палисадники и будет стучать в пустоту окон, облупившими ставнями.

Медовые свечи силу имеют. Вафельные тоненькие пластиночки из воска, вставленные в рамку, ничего не значат, кроме как белый воск. Поработают над ними пчёлы: ячеечки понастроят, мёдом заполнят, да ещё и упакуют – вот тебе и сила, и энергия, как из выкачанного мёда, так и воска из этих рамок. Много колобочков лежало на Божничке – часа дожидались, когда катать свечи.

В сугробы Сибири когда-то дома прятались. Что там сейчас, не знаю, но говорят, что теперь сугробы за домами прячутся. По тем, бывшим, любила детвора в наст бегать. Весной, ранним утром, пока солнышко не разжмурилось в полную силу, выходишь в валеночках, за зиму настолько подтоптаных, что подошва мягкая становится. Ступаешь, как ласкаешь его, а без этого не получится – ухнешь в сугроб с головой. Передвигаешься и ощущаешь себя идущей по волнам. Под тобой ведь только тоненькая корочка, а внутри рыхлый снег.

Рыхлых жизненных ситуаций было предостаточно, но я знала, что по весне наст крепкий.

Я забыла, как воеет вьюга, как скрипит под ногами снег. Скрежещут зубы, хрустит песок, чем глубже в годы, дальше исток. Это - крест, который нести надо. Если бы не он, я бы давно распорядилась.

- Я кушаю, поэтому душа пока отдыхает, - так изрекла Настюша из далёкой Японии на мой звонок. Вот как восточная мудрость входит в дитя! Ступил на порог страны, и уже в тебя мудрость востока входит, а годков – то всего пятнадцать, она в деревне родимшая и знамшая: нечего душу по пустякам дёргать, Господу житься не давать.

Только город наш всё на свои беспутные рельсы ставит. Боязно за молодых. Может, и правда детей в Японию отправить, пока тут наши нашу страну грабят, детство сжирают, молодостью закусывают, старость закапывают?

Наташа Ростова и её первый бал. Помните? В деревне нашей тоже бывали балы и Наташи.

- У Аксиньи девчонки с парнями собираются в складчину.

- Надо сбегать на молодёжь посмотреть.

С печки, как с наблюдательного пункта раздаётся старенький голос:

- Э-эх, смотрителка. И чаво ты думаешь тебе такую новость сопчают?

- Чего?

- Твоя дочка вровень тополёчка.

- Ой, и правда, - сказала мать и удивлённо, внимательно посмотрела, как будто впервые увидела свою выросшую дочь.

Маленький детский утюжок. Металлический, с крышечкой, для угольков. Совсем как настоящий. Немецкого происхождения. Игрушка-радость всего детства. Украли.

Жизнь проходит, а его ничем не могу заменить.

Жалко. Жалко того, кто украл, ему за мою боль отвечать придётся, а может, уже ответил. Жалко.
